
ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Игорь ПАНИН

ПАРЕНЬ С РАБОЧЕЙ ОКРАИНЫ

О Максиме Жукове труднее всего писать, наверное, мне. Я писал предисловия к его книгам, рецензировал и редактировал их, включал его стихи в свои поэтические обзоры. Вроде бы уже и сказать о нем нельзя так, чтоб не повториться. Но я все-таки попробую это сделать. И не по дружбе, не по каким-то своим соображениям, а просто потому, что Жуков этого действительно достоин. У нас не так много настоящих поэтов, а те, которые есть, уж точно заслуживают внимания. Критики «с хорошими лицами» не конфузятся восторженно писать о своих родственниках, друзьях и знакомых, посвящать в гении совписовских середнячков, нарекать мэтрами сочинителей второго ряда, объявлять надеждой русской поэзии подчас совсем уж безнадежных юношей и девушек, которые даже взором горящим не выделяются, разве что бледностью. Ну а раз так, то и мне стесняться нечего. Я хотя бы не вру.

В данную книгу¹ вошли разные стихи Жукова, есть тут и написанные в последнее десятилетие, и в 2000-е, и даже в 90-е. А некоторые и в конце 80-х, если название од-

Игорь Панин — поэт, публицист, литературный критик. Родился в 1972 году в Воронежской области. Окончил Тбилисский государственный университет (факультет филологии). Автор нескольких книг стихов, публиковался в журналах «Континент», «Дети Ра», «Крещатик», «Дружба народов», «День и ночь», «Нева», «Зинзивер», «Сибирские огни» и др. С 1998 года живет и работает в Москве. Долгое время возглавлял отдел поэзии в «Литературной газете».

¹ Максим Жуков. Как полный...: сборник стихотворений. — Белград: Agnosta, СтиХИ, книжная серия товарищества поэтов «Сибирский тракт», 2019. — 84 с., ил., 300 экз.

ного из стихотворений — «1989 год» — счесть за дату написания. Для кого-то может показаться странным, что автор из книги в книгу «тащит» одни и те же тексты, но я не вижу в этом ничего необычного или предосудительного. Жуков пишет крайне мало, а потому просто вынужден постоянно «разбавлять» новые стихи старыми, дабы набрать необходимый для сборника объем. Кроме того, поэты уже давно живут при почти полном отсутствии читателей, поэтому даже если автор и включает старые стихи в новый сборник, это едва ли следует расценивать как признак дурного тона. Те читатели, которым вдруг попадется эта книга, данные тексты вряд ли видели прежде. Тем более что Жуков и сейчас пишет примерно так, как делал это четверть века назад. И не потому, что не развивается как поэт — просто он давно нашел свой стиль, свою манеру.

Главное достоинство этой книги в том, что она интересна. Странное определение для поэтического сборника, если задуматься, но ничего другого в голову мне не приходит. По работе в «Литературной газете» мне приходилось просматривать пару-тройку сотен поэтических книг в год. Но те, которые можно было бы назвать интересными, пересчитывались по пальцам обеих рук. Жуков, безусловно, оказывался со своими сборниками в этом числе. Не всем по нраву то, что он частенько перебарщивает с обценной лексикой в своих стихах, физиологизмом и вообще пытается плыть против течения, демонстративно нарушая некоторые литературные табу, как бы показывая свое презрение к современному литпроцессу. С одной стороны, стратегия проигрышная, с другой же, учитывая нынешнюю профанацию литпроцесса, вполне себе имеющая право на жизнь. Во всяком случае, принеся Жукову пусть не самые престижные, но все же литнаграды. А вот другие, боявшиеся показаться слишком радикальными, слишком независимыми, сохранив «рукопожатные» знакомства и девственно-чистые анкеты, так ничего и не получили.

Многие из стихов, вошедших в книгу, я давно знаю, какие-то даже разбирал, а что-то и помню наизусть. И у меня эти тексты давно уже связаны с образом талантливого, но скромного, резковатого, но незлого русского парня. Парня с рабочей окраины, где нужно уметь постоять за себя, но при этом умудриться не скатиться на самое дно. Он неторопливо ведет речь, рассказывая, словно за рюмкой, историю за историей. Его собеседники — не поэты, не актеры и не те, кого вообще принято называть творческой интеллигенцией. Это либо простые люди, либо отбросы общества, как, например, покойная проститутка-наркоманка Оксана, к которой он обращается в балладе:

На пределе звука, в ангельском строю
Ты послушай, с..., песенку мою.

Любопытно, что в стихах Жукова практически отсутствует надежда. Создается впечатление, что с автором уже случилось все самое плохое, причем настолько плохое, что он возненавидел жизнь раз и навсегда. Даже у зрелого, но депрессивного Есенина надежда проглядывала в каких-то строчках и даже отдельных текстах. Жуков же уверен, что ничего хорошего ждать не стоит, а потому даже не пытается разглядеть хоть что-то положительное в том или ином событии. Он живописует окружающую его действительность так, как будто знает дату своей смерти:

Чужую верю проповедую: у трех вокзалов на ветру
Стою, со шлюхами беседую, за жизнь гнилые терки тру.
Повсюду слякоть невозможная, в лучах заката витражи;
Тоска железная, дорожная; менты, носильщики, бомжи.

При этом у него мало стихов о смерти как таковой. Казалось бы, их должно быть предостаточно, раз уж в земной жизни автор полностью разочаровался. Однако на

смерть он предпочитает смотреть без романтического восхищения, да и думает о ней редко. Разве что при случае, когда есть тому незначительный повод:

Мой кот глядит, как будто сын,
На мир и на людей,
Как сорок тысяч верных псин
И добрых лошадей,
И он не знает, что умрет.
А я — не знаю — как.
И кто кого переживет,
Не ведаю. Вот так.

Я не случайно упоминал выше в тексте Есенина. И хотя Жукова никак не назовешь продолжателем традиций крестьянской поэзии, а от поэтики Есенина он далек, определенные параллели провести все же можно. Жуков точно так же не любит город (хотя он человек городской, а не деревенский), испытывает теплые чувства к животным и к тем, кто их жалеет:

Тот человек, что подобрал котенка,
Когда за гаражами падал свет,
Натурой был возвышенной и тонкой,
И сложный был, по сути, человек.

Он не расписывается в горячей любви к животным, но наблюдает за ними с интересом, делая определенные, подчас только ему известные выводы:

Чтоб помериться силенками,
Повстречались те коты,
Где качают головенками
Над могилами цветы.

Но основной мотив его лирики — это все же заброшенный, ненужный человек, погибающий в ненавистном ему городе. Тема не нова, кто бы спорил, но Жуков пишет об этом узнаваемо — так, как мог написать только он:

Все давно покрыто мраком, мать затихла перемать;
Я женат четвертым браком — бросил пить, курить, гулять.

И если автор открыто не жалуется на судьбу, это вовсе не означает, что он доволен положением дел. Жуков в принципе не может быть чем-то доволен. Все его тексты — это недовольство собой и окружающим миром. Изредка расцвечивают невеселую картинку воспоминания. Но если вчитаться — о чем же он вспоминает? Убежав из опостылевшей Москвы в провинцию, он остается недоволен собой и там. И воспоминания не греют ему душу, а только утверждают в мысли, что искать счастья или надеяться на лучшую долю — бесполезно:

Отгрохотал XX века над городком неприхотливым,
Где человека человек нет-нет да и пошлет за пивом.

Периферийная среда и быт с унылым постоянством:
Я помню времечко, когда я на проспекте жил Рязанском,

Что тоже было — не фонтан: ларьки, торгующие водкой,
И проходящих пара дам — с Марксистской и Автозаводской...

Можно предположить, что автор слишком сгущает краски, преувеличивает свои неудачи. Но это можно предположить лишь не зная, чем и как живет простой народ. А Жуков — поэт народный. Не в смысле признания, а в плане умения отражать те настроения, что доминируют в массах. Поговорите о жизни с любым мужчиной сорока-пятидесяти лет — он расскажет вам о перестройке, митингах, о «проклятых девяностых», о голоде и безработице, о смертях друзей от алкоголя и наркотиков, о своих разводах и неудачных попытках выбиться в люди. Вот это все есть в стихах Жукова. И недаром лидер группы «Ленинград» Сергей Шнуров назвал его великим поэтом. Шнуров, конечно, не бог весть какой литературовед, но основной мотив поэзии Жукова он уловил и прочувствовал. Потому что Жуков — не салонная фигура, не «поэт из пробирки», придуманный культуртрегерами, но обычный городской парень, которому никто не обещал легкой жизни. Он и описывает ее такой, какая она есть:

Нас носит русская земля с трудом... за годом год,
Шахтер дает стране угля... Соседка не дает...

Наверное, можно было бы сказать, что его стихам не хватает теплоты, душевности, но это исключительно дело вкуса. По мне, так Жуков хорош именно в своем амплуа. А если б скатился в ненужную ему «философию», озвучивал книжные истины или сочинял вторичную любовную лирику — что вышло бы? Поэт становится явлением тогда, когда говорит своим голосом, пусть и не самым красивым, пусть хриплым и грубоватым, но все-таки своим. А свой голос у Жукова есть. И не самые глупые люди, не самые последние любители поэзии ценят его именно за этот неповторимый голос. Вероятно, он и сам это понимает.

* * *

Читатель ждет уж конкретной критики — на вот, возьми ее скорей. Есть в стихах Жукова и то, что мне категорически не нравится. А именно — пристрастие к прямому (или видоизмененному) цитированию чужих строк в своих текстах, каковое он в последние годы все чаще использует. Подобный прием допустим в малых дозах, когда его можно отметить и удовлетворенно кивнуть. Но вот берем стихотворение Жукова 2017 года, а там:

...Что Леонид под Фермопилами,
Конечно, умер не за них...

И медленно пройдя меж слабыми,
Всегда без спутников, одна,
В косоворотках и с хиджабами —
Россия вспрянет ото сна...

Отставить выходки базарные!
Во глубине сибирских руд...

Тогда ваш нежный, ваш единственный,
Я поведу вас на Берлин!

Повторюсь, это все в одном только стихотворении. Причем здесь не классический центон, когда текст целиком составлен из чужих строк, но оригинальное стихотворение с вкраплениями из классиков. А зачем? Если бы автору нечего было сказать и он таким образом демонстрировал бы свою начитанность, попутно заполняя прорехи в тексте, это еще было бы понятно. Но Жуков вполне оригинальный поэт со своим миром. Мне кажется, что все эти игры в постпостмодернизм нужно как можно скорее прекращать, поскольку они ему явно вредят. Такие стихи выглядят легковесными, словно бы наспех сконструированными из подручного материала. Для поэта-сатирика они естественны, но лирику (а Жуков все же лирик, пусть и жесткий) вряд ли прибавляют очков. Дело, конечно, хозяйское, но я б советовал ему ко мне прислушаться. Я все-таки не самый плохой советчик...